

Научная статья
УДК 343.13

Ускорение уголовного судопроизводства с позиции защиты прав потерпевшего (на примере возмещения вреда)

Мищенко Елена Валерьевна¹, доктор юридических наук, доцент
Тарнавский Олег Александрович², кандидат юридической наук, доцент

¹ Оренбургский государственный университет
Оренбург (460018, пр. Победы, д. 13), Российская Федерация

² ООО «Газпром энерго»
Москва (117647, ул. Профсоюзная, д. 125), Российская Федерация

¹ jurfac@mail.osu.ru, ² mellert.@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5936-1861>, ² <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

Аннотация:

Введение. Ускорение уголовного судопроизводства коррелируется в большей степени с публичным интересом государства, нежели позволяет обеспечить законные потребности лица по восстановлению в правах и законных частных интересах. Однако поиск баланса частных и публичных интересов в современном российском судопроизводстве диктует необходимость учитывать различные условия и рассматривать опыт минувших периодов в поисках национальных приоритетов формирования уголовно-процессуальной политики. Изучение развития уголовно-процессуального законодательства в различные периоды его становления и развития на примере механизмов ускорения производства по уголовному делу позволил выявить неспособность оценочных категорий в виде «разумности» (ст. 61 УПК РФ) и соответствующих административных компенсаторных механизмов существенным образом защитить права граждан, оказавшихся в роли потерпевших. Административный компенсаторный механизм в отечественном уголовном процессе служит исключительно публичным интересам и не решает проблему фактического отсутствия института возмещения вреда, причиненного преступлением.

Методы. С позиции указанной проблемы и на основе применения общелогических методов научного познания (анализа, синтеза, индукции, дедукции), историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового, системного и метода интерпретации правовых актов с доминирующей ролью сравнительно-исторического метода предпринята попытка выявления закономерности развития процесса ускорения уголовных процедур в исторической ретроспективе для обоснования современных законодательных предложений.

Результаты. Сделан вывод о необходимости признания лица потерпевшим одновременно с установлением события преступления и началом проверочных действий с участием пострадавшего на основе его фактического положения. Данный момент должен являться ключевым в формировании ускорения права на возмещение вреда от государства.

Ключевые слова:

история уголовного судопроизводства, публичный интерес, частный интерес, ускорение уголовного судопроизводства, институт возмещения вреда, компенсация, процессуальное положение потерпевшего

Для цитирования:

Мищенко Е. В., Тарнавский О. А. Ускорение уголовного судопроизводства с позиции защиты прав потерпевшего (на примере возмещения вреда) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 142–149.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 19.09.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Speeding up the criminal proceedings from a position of victim rights protection (illustrated by damage compensation)

Elena V. Mishchenko¹, Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Oleg A. Tarnavsky², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

¹ Orenburg State University
13, Victory ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

² Gazprom Energo LLC
125, Profsoyuznaya str., Moscow, 117647, Russian Federation

¹ jurfac@mail.osu.ru, ² mellert.@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-5936-1861>, ² <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

Abstract:

Introduction. Speeding up criminal proceedings is much more correlated with the public interest of the state than allows to meet the legitimate personal needs to restore rights and legal private interests. However, the search for a balance of private and public interests in modern Russian judicial proceedings necessitates to take into account different conditions and to consider the past periods experience in seeking national primacies for the criminal procedure policy formation. Studying of the criminal procedure code development in various periods of its formation on the example of speeding up mechanisms of criminal proceedings allowed to reveal the evaluation categories failure in the form of «reasonableness» (Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the RF) and appropriate administrative compensatory mechanisms to protect the rights of citizens as victims substantially. The administrative compensation mechanism in the internal criminal proceedings addresses the public needs exclusively and does not solve the problem of the de facto absence of the damage compensation institution caused by the crime.

Methods. From the position of this problem and on the basis of application of the general scientific research methods (analysis, synthesis, induction, deduction), historical-legal, formal-legal, comparative-legal, systemic and method of legal acts interpretation with a dominant role of comparative-historical method, an attempt has been made to reveal conformity to the development principles of the speeding up of criminal procedures in a historical retrospective to ground modern legislative initiatives.

Results. It is concluded that it is necessary to account a person as a victim immediately with the establishment of the event to be a crime and checking activities initiation involving the victim based on his actual situation. This moment should be the key in forming the speeding up of the right for state compensation.

Keywords:

history of criminal procedure, public interest, private interest, speeding up of criminal proceedings, institute of damage compensation, compensation, procedural position of the victim

For citation:

Mishchenko E. V., Tarnavsky O. A. Speeding up the criminal proceedings from a position of victim rights protection (illustrated by damage compensation) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 142–149.

The article was submitted March 10, 2025;
approved after reviewing September 19, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Стремление найти баланс между частными и государственными интересами в области уголовной юрисдикции было характерно для российского законодательства на протяжении длительного времени. Апогеем такого генезиса стало закрепление разумного срока уголовного судопроизводства в нормах отечественного уголовно-процессуального законодательства на уровне основополагающего начала производства по уголовному делу 30 апреля 2010 г. Однако следует согласиться с мнением ученых, которые обращают внимание на введение оценочной по своей сути категории взамен прямой регламентации сроков уголовного судопроизводства, что вносит дисбаланс в соотношении «частного – публичного», попытку введения отдельных компенсаторных механизмов в систему принципов [1, с. 168; 2, с. 115; 3, с. 120; 4, с. 129; 5, с. 168; 6, с. 86]. Так, В. И. Кушнерев отмечает отсутствие идеологического подхода к формированию принципов уголовного судопроизводства со стороны российского законодателя и ошибочное включение требования о разумности сроков уголовного судопроизводства, которое есть не что иное, как «правило по результатам рассмотрения жалоб граждан» [2, с. 115]. Ученые отмечают сложность регулирования едиными процессуальными сроками доследственной проверки поступившего сообщения (заявления) о преступлении, проблему защиты прав пострадавших от преступления на этапе начала уголовного преследования ввиду отсутствия на этом этапе состязательности и исключительной публичности процедур [3, с. 120; 4, с. 130; 5, с. 33; 7, с. 225; 8, с. 119]. Одной из исторически сложившихся гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного преследования является требование о «незамедлительности» принятия решения, действий «по горячим следам» [3, с. 5], исчисление сроков формулировками «с момента» и «до момента» [4, с. 130] как аналогов термина «разумности» применительно к раннему этапу производства по уголовному делу.

И. В. Стуков отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты» уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [5, с. 169]. Анализ Устава уголовного судопроизводства¹ (далее – Устав), проведенный В. Н. Ростовской, позволил автору сделать вывод о формулировании уведомительных сроков с припиской «немедленно» [6, с. 91].

Исторические предпосылки к формированию «разумности» уголовных процедур совместно с заботливостью о правах частных лиц наблюдаются и в нормах древнерусского законодательства.

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Москва : Директ-Медиа, 2015. 646 с.

Методологические основы исследования

В настоящем исследовании ставится задача выявления закономерности развития процесса ускорения уголовных процедур в исторической ретроспективе для обоснования современных законодательных предложений в сфере соотношения частного и публичного начала уголовного судопроизводства на примере отдельных элементов института возмещения вреда. Проведено сопоставление правового регулирования сроков судопроизводства в разные исторические периоды (от Русской Правды² и Судебников³ до Уставов 1864 года⁴, советских и современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УПК РФ)). Выявлены общие закономерности и национальные особенности в поиске баланса между частным и публичным интересом. Проведен анализ трансформации процедурных гарантий (от конкретных сроков к оценочной категории «разумности»), а также отдельных норм исторических памятников права, положений современных УПК, научных позиций разных авторов, судебных решений (Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Верховного Суда Российской Федерации). Проанализированные элементы сведены в единое целое, сформулированы общие выводы о закономерностях развития института ускорения судопроизводства и возмещения вреда на основе разрозненных данных из разных эпох и источников. На основе анализа конкретных примеров (например, дел Бурдова⁶, Ткаченко⁷) делаются общие выводы о системных проблемах в российском уголовном процессе. Исходя из общего тезиса о дисбалансе частного и публичного интереса, исследовано проявление в конкретном институте возмещения вреда потерпевшему. Правовые институты (сроки, возмещение вреда) исследованы в их историческом развитии и конкретной исторической обстановке (например, переход от состязательного к инквизиционному процессу при Петре I, советский акцент на публичные интересы). На основе формально-юридического (догматического) метода проведен анализ структуры и содержания правовых норм (статей УПК РФ, исторических судебных уставов, Соборного уложения⁸ и т. д.) без оценки их эффективности или справедливости. Интерпретированы термины («не волокитно», «разумный срок»), конструкции норм, их системные связи. Сравнительно-правовой метод применен узко для сопоставления правового регулирования одного и того же вопроса (ускорение процесса, возмещение вреда) в разные периоды, а также для сравнения отечественных подходов и международных стандартов (практика ЕСПЧ). Также применены системный метод и проведена интерпретация правовых актов, что позволило рассмотреть институт ускорения судопроизводства и возмещения вреда не изолированно, а как элемент системы уголовного процесса, взаимодействующий с другими элементами: принципами, статусами участников, целями и задачами процесса.

Результаты

Анализ ранних памятников судебного права показывает отсутствие прямого регулирования сроков производства по уголовным и гражданским тяжбам. Русская Правда как основной правовой свод Древней Руси (XI–XII вв.), не содержит прямого упоминания о процессуальных сроках как таковых⁹. Ее нормы сосредоточены преимущественно на материальном праве: установлении наказаний (вир, продажа) за конкретные преступления (убийство, поби, кража) и порядке разрешения имущественных споров. Регулирование носило казуальный характер и не содержало системных процедурных правил о длительности разбирательства. Это связано с тем, что судопроизводство было в значительной степени основано на обычае и устной

² См.: Русская правда : (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Санкт-Петербург : Наука, 1997. Т. 4: XII век. 685 с.

³ Ключков М. В. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 [1550] гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков : издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. 51 с.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м. : Б. и., 1864]. 455 с.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. по жалобе № 33509/04 «Дело «Бурдов (Burdivov) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 5.

⁷ По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

⁸ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 1961. 444 с.

⁹ Русская правда...

традиции, а не на письменной регламентации каждой стадии процесса. Косвенные указания на разумное соблюдение сроков и доведение дел до своего логического завершения мы находим, к примеру, в положениях ст. 6 Псковской судной грамоты об обязанности посадника закончить разбором все начатые им судебные дела¹⁰ и в Новгородской судной грамоте: «А орудье судить посаднику и тысяцкому... месяц, а дале того им орудья не волочить»¹¹.

Стремление законодателя придать судебным процедурам срочный характер известно со времени Судебников 1497 и 1550 годов¹². Термин «не волокитно», упоминаемый в ст. 36 Судебника 1497 года и ст. 72 Судебника 1550 года, в контексте ускорения судебной процедуры и борьбы с бюрократическими проволочками¹³ рассматривается нами как проявление заботы о соблюдении частного законного интереса в уголовном судопроизводстве, как своеобразная компенсация за переход от состязательной модели уголовного процесса к сыскной. В Соборном Уложении интерес к частным правам и возмещению убытков, образовавшихся в т. ч. по вине судьи, еще более возрастает. Это проявляется в ряде положений о недопущении волокиты при рассмотрении дел путем возложения соответствующей обязанности на суд и запрета руководствоваться личными и корыстными мотивами по затягиванию сроков (ст. 15, 22, 24 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 года)¹⁴. Такие действия пресекались и наказывались «государем». При этом в разные исторические периоды для ускорения процесса рассмотрения дел в судах предусматривались различные меры. Так, например, Именным указом от 21 февраля 1697 г. были отменены очные ставки в судебных делах¹⁵. В преамбуле к Указу содержится пояснение о том, что применяемые в рамках состязательного процесса способы доказывания приводят к напрасной судебной волокитке, убыткам и разорениям в силу неправды и лукавства, т. е. использования сторонами различных ухищрений, необоснованно затягивавших судебное разбирательство.

Отметим, что для данного исторического периода было характерно сохранение некоторых древнерусских традиций состязательного уголовного процесса, связанных с самостоятельным представлением сторонами суду доказательств, свидетельствующих в пользу их позиции. Законодатель, расценивая такую модель судебного разбирательства как неэффективную, утвердился в выводе о необходимости замены состязательного процесса инквизиционным.

Исследователями отмечено, что в период правления Петра I ускорению судебного разбирательства придавался особый смысл. Отечественное законодательство, как и многие реформы того периода времени, изменялось по европейскому типу. В связи с этим были установлены предельные сроки судопроизводства, правила заочного рассмотрения дел [9, с. 19]. Это, однако, практически не повлияло на традиционную медлительность рассмотрения уголовных дел [10, с. 273]. Новые инструменты ускорения уголовного судопроизводства были введены в связи с принятием Уставов уголовного судопроизводства в 1864 году¹⁶. Материальная ответственность стала главным рычагом воздействия на медлительность должностных лиц и участников, уклоняющихся от явки в суд (ст. 69, 73–75, 152 Устава).

Впервые именно в Уставах вопрос о возмещении вреда разрешался системно с фактической стороной дела и во взаимосвязи с необходимостью быстрого расследования и судебного рассмотрения. Так, в статье 133 Устава закреплялась обязанность мирового судьи возлагать ответственность по возмещению вреда, причиненного преступлением, на неявившегося в суд по неуважительной причине обвиняемого без дополнительных разбирательств в порядке гражданского судопроизводства (как в действующем уголовно-процессуальном законодательстве). Борьбе с необоснованным замедлением уголовного процесса посвящены ст. 181, 255, 258 главы 3 Учреждения судебных установлений 1864 года¹⁷. Соответствующие надзорные полномочия закреплялись за министром юстиции: от получения объяснений от председательствующих до возбуждения дисциплинарного производства в отношении должностных лиц, виновных

¹⁰ Псковская Судная Грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост. И. И. Васильев, Н. В. Кирпичников ; изд. Псковского археологического общества. Псков : Типография Губернского правления, 1896. 91 с.

¹¹ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. Москва : Госюриздат, 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 212–227.

¹² Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 [1550] гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков : Издательство Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. 51 с.

¹³ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие. Москва : Проспект, 2005. С. 39.

¹⁴ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ соч.

¹⁵ Именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и пошлинных деньгах» // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. Москва : Зерцало, 2014. С. 6–8.

¹⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Издание Государственной Канцелярии, 1867. Ч. 3. 504 с.

¹⁷ Там же. С. 128.

в затягивании производства. Отдельному контролю в форме уведомления подлежало возбуждение каждого следствия (ст. 2961.1 Устава в редакции от 1909 г.) [6, с. 90].

В период правления Советской власти выявить содержание модели правового регулирования принципа разумного срока уголовного судопроизводства можно, проанализировав правовые нормы, обязывающие не допускать затягивания процессуальных процедур. В статьях 87–92 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года¹⁸ (далее – УПК РСФСР 1922 года) впервые устанавливались общие положения об исчислении и порядке восстановления процессуальных сроков.

Для большинства стадий уголовного судопроизводства и отдельных процессуальных действий устанавливались предельные сроки их осуществления. Например, максимальный срок производства дознания составлял один месяц (ст. 107 УПК РСФСР 1922 года), а максимальный срок производства предварительного следствия составлял два месяца со дня объявления подозреваемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 119 УПК РСФСР 1922 года).

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в редакции 1923 года¹⁹ (далее – УПК РСФСР 1923 года) при невозможности окончания предварительного следствия за два месяца следователь был обязан обосновать перед прокурором причины такой задержки (ст. 116 УПК РСФСР 1923 года). Как и ранее, производство по уголовному делу в народном суде предельным сроком не ограничивалось. Пожалуй, указанный период следует назвать наиболее реакционным к балансу частных и публичных интересов, что четко прослеживается в задаче быстрого и полного раскрытия преступления в процессуальном законодательстве в 1960 года²⁰ (далее – УПК РСФСР 1960 года). Так, в статье 44 УПК РСФСР 1960 года применяется формулировка «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела», а в ст. 132 – «в целях обеспечения наибольшей быстроты расследования». При этом законодатель основное внимание уделил установлению конкретных сроков отдельных процессуальных действий: вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в течение трех суток (ст. 109); производство дознания – до 10 суток и следствие по данной форме – до одного месяца (ст. 121), а по общему правилу производства предварительного следствия – до двух месяцев (ст. 133); вынесение постановления о предании обвиняемого суду – в течение 14 суток с момента поступления материалов уголовного дела в суд (ст. 239). В данном случае установление жестких сроков не стоит рассматривать как заботу о правовых гарантиях участников судопроизводства, поскольку преследовалась цель установления фактических обстоятельств по делу всеми процессуальными средствами. Именно на данном этапе фигура потерпевшего приобрела характер источника доказательств виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, поскольку, как отмечал М. С. Строгович, процессуальные средства должны были соответствовать цели установления объективной истины [11, с. 137].

В постсоветский период законодательное признание разумного срока уголовного судопроизводства выявляется через конституционные предписания соответствующего периода (конструкция ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в момент ее принятия в 1993 году²¹) и официальную ратификацию Конвенции в 1998 году. Соответственно, до момента введения Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ²² в УПК РФ ст. 6¹, разумный срок уголовного судопроизводства рассматривался в качестве составного элемента фундаментального принципа правосудия – права на справедливое судебное разбирательство, имплементированного в российскую правовую систему [12, с. 52; 13, с. 63], или как самостоятельного принципа процессуальной экономии [14, с. 9], или как средства регулирования уголовно-процессуальной деятельности, обеспечения правомочий участников производства по уголовным делам [15, с. 82]. Именно в этой интерпретации исследуемая правовая категория изучалась в положениях уголовно-процессуальной доктрины до 2010 года.

Главной причиной правового оформления стала прецедентная практика ЕСПЧ, выявившая в российской правоприменительной действительности «отсутствие эффективных

¹⁸ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1922. № 20–21. Ст. 230. Утратил силу.

¹⁹ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (ред. от 31.01.1958) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106. Утратил силу.

²⁰ Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

²² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

внутригосударственных средств правовой защиты лиц». Ярким примером тому является дело «Бурдов (Burdiv) против России»²³. Анализ качества уголовных процедур с позиции решений ЕСПЧ содержится в трудах К. В. Питулько и А. А. Сергеевой [16, с. 178], О. К. Манзанга [17, с. 179], Д. О. Чистилиной и А. Д. Деловой [18, с. 139], И. А. Кучеркова [8, с. 120], Л. В. Бормотовой [19, с. 16; 20, с. 215; 21, с. 194] и ряда других авторов. Исследователи едины во мнении необходимости институционального подхода к вопросу о возмещении вреда и о том, что разумность процедур как принцип уголовного судопроизводства должна охватывать разумный баланс частного и публичного интереса, а частный интерес по исторически сложившейся традиции всегда исходит из возмещения. Однако разумность процедур как принцип уголовного производства под правотворческим воздействием Комитета министров Совета Европы приобрела совершенно иные административные формы компенсаторного механизма вместо полноценного института возмещения вреда в уголовном процессе [22, с. 77].

Таким образом, современный принцип разумности сроков уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ²⁴) содержит в настоящий момент обеспечительную меру административно-процессуального характера, направленную на выплату денежной компенсации за нарушение сроков уголовного процесса государственным органом (его должностным лицом), в чьем производстве находится уголовное дело (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11²⁵). Однако механизм ускорения возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему отдельно от общего механизма ускорения уголовного судопроизводства, отсутствует. Более того, законодатель, указав на общую допустимость продления сроков уголовного процесса, исключил таковую возможность для уголовного преследования, назначения наказания и прекращения уголовного преследования. Эти процессуальные действия и решения должны осуществляться в разумный срок (ч. 2 ст. 6¹ УПК РФ). Возмещение вреда потерпевшим в этом перечне отсутствует. В нормах, определяющих процессуальное положение прокурора (ст. 37 УПК РФ), следователя (ст. 38), руководителя следственного органа (ст. 39), органа дознания (ст. 40), начальника подразделения дознания (ст. 40¹), начальника органа дознания (ст. 40²), дознавателя (ст. 41), также отсутствует упоминание об обязанности субъекта доказывания не допускать затягивания сроков возмещения вреда, причиненного преступлением. Все действия должностного лица, в чьем производстве находится уголовное дело, сведены к необходимости установления обстоятельств «главного факта», в числе которых нет указания на обязательное ускорение возмещения вреда. В условиях отсутствия нормативно закрепленной обязанности правоприменитель ориентирован на первостепенные задачи квалификации и доказывания обвинительного тезиса, а не возмещение вреда в интересах потерпевших. На такой вывод ориентирует следователя, дознавателя, государственного обвинителя в т. ч. рекомендация Верховного Суда Российской Федерации в постановлении о практике рассмотрения судами гражданского иска²⁶. Критический анализ указаний высшего суда, содержащихся в п. 8, 21, 27 постановления, позволяет сделать вывод о концентрации внимания нижестоящих судов на выполнение государственным обвинителем обязанности по доказыванию характера и размера причиненного преступлением только имущественного вреда и только во взаимосвязи с установлением квалификационных признаков, в частности, способа совершения преступления, а также «для квалификации содеянного и определения объема обвинения».

Выводы

В контексте обсуждения соотношения частных и публичных начал уголовного судопроизводства следует, на наш взгляд, обратить внимание на правовые позиции, неоднократно озвученные Конституционным Судом Российской Федерации. В 2001 году²⁷ в статусе потерпевшего было выделено наиважнейшее право на возмещение вреда, тогда как действующий УПК РФ²⁸ до сих пор рассматривает право на возмещение вреда как дискреционное правомочие

²³ Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 5.

²⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

²⁵ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

²⁶ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12.

²⁷ По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

²⁸ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

субъекта доказывания. Конституционный Суд неоднократно обращал внимание на необходимость институционализации возмещения вреда, причиненного действием или бездействием органов государственной власти в ходе любого вида, формы, этапа отечественного судопроизводства. А в октябре 2024 года было принято революционное по своей сути постановление, обязывающее правоохранительные органы признавать потерпевшими лиц, отказавшихся от дачи взятки, но сообщивших об этом и поучаствовавших в изобличении преступника²⁹. У этого решения, как нам видится, есть неоспоримый целеопределяющий для всего уголовного процесса потенциал: привлечение общественности к раскрытию преступлений – хорошая возрождаемая советская традиция борьбы с преступностью государства и общества вместе, сообща на благо защиты частного законного и охраняемого государством интереса. Положительно в этом аспекте оцениваем и другие институты советского уголовного судопроизводства – общественного защитника, общественного обвинителя, отдачи на поруки трудового коллектива для перевоспитания. В этом решении мы усматриваем также процессуальную заботу о публичном интересе. Суд на практике зачастую сталкивается с проблемой невозможности переквалификации действий взяточника со ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации³⁰ (далее – УК РФ) на ст. 159 УК РФ без направления уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ. В соответствии с законом при отсутствии потерпевшей стороны это сделать невозможно, поскольку государство с позиции действующей законодательной конструкции ст. 42 УПК РФ не может являться потерпевшим. Но в позиции, озвученной Конституционным Судом Российской Федерации по делу А. С. Ткаченко, участие граждан в раскрытии преступления есть реализация ими публичного интереса государства, а потому оно (государство) обязано гарантировать признание лица потерпевшим до начала официального уголовного производства при проведении оперативных действий, находящихся в неразрывной связи с предстоящим процессом³¹. Таким образом, именно фактическое положение лица определяет его статус как потерпевшего, а не его юридическое формальное закрепление в постановлении о признании потерпевшим, что в значительной мере расширяет возможности влияния граждан на публичные правоотношения и последующее право требовать быстрого возмещения вреда, причиненного не только преступлением, но и ненадлежащим исполнением возложенных государством обязанностей на должностных лиц.

Поэтому необходимо пересмотреть основное назначение уголовного судопроизводства и включить в законодательную конструкцию ст. 6 УПК РФ³² наряду с упоминанием о необходимости защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, указание на обязательное возмещение им вреда. Соответственно в ст. 6¹ УПК РФ необходимо положение «уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок» дополнить словами о возмещении вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Нам представляется это разумным с точки зрения ускорения процедур производства по уголовному делу, баланса частного и публичного, генезиса исторического пути и защищенности граждан, общества как высшей ценности в построении сильного государства.

Список источников

1. Кушнерев В. И. Некоторые вопросы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах о процессуальных сроках стадии возбуждения уголовного дела / Наука и новация: современные проблемы теории и практики права : сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки, г. Москва, 20–21 февраля 2019 г. Москва : Московский государственный областной университет, 2019. С. 168–170.
2. Кушнерев В. И. Структура нормы-принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» в российском праве // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 115–118.
3. Урывкова А. Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 4 (100). С. 120–133. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_4_120
4. Родионова Ю. В., Курнышева Е. А. Особенности исчисления процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4 (10). С. 129–132.
5. Стуконог И. В. Сравнительный анализ регламентации процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 168–174.
6. Ростова В. Н. Процессуальная регламентация начала уголовного процесса согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции, ноябрь 2018 г. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2018. № 11 (15). С. 86–92.
7. Валюлин Р. Р. Реализация принципа разумного срока в нормах, регулирующих процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 224–229. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.208>

²⁹ СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

³⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³¹ СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

³² СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

8. Кучерков И. А. Проблема процессуальных сроков досудебного производства в контексте разумных сроков уголовного судопроизводства / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г. / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. Санкт-Петербург : Центр социальных и правовых технологий, 2018. С. 119–124.
9. Вольнец К. И. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3 (5). С. 18–24.
10. Рожков Д. Г. Истоки появления категории «Разумный срок» в уголовном процессе России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 273–276.
11. Строгович М. С. П. С. Элькинд. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Издательство Ленинградского университета, 1976, 142 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 135–137.
12. Баранова М. А. Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип осуществления процессуальной деятельности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 52–55.
13. Апостолова Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–66.
14. Смолин А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19. С. 9–11.
15. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности : монография / под ред. В. М. Корнукова. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. 182 с.
16. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в правовых позициях Европейского Суда по правам человека // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 178–180. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_17
17. Манзанга О. К. Применение международными уголовными судами Европейского прецедентного права в сфере разумного срока // International Law Journal. 2023. Т. 6, № 1. С. 179–190.
18. Чистилина Д. О., Делова А. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 139–153. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-139-153>
19. Бормотова Л. В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 1–16. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.9.71580>
20. Бормотова Л. В. Отдельные аспекты обеспечения и соблюдения сроков уголовного судопроизводства / Проблемы и перспективы развития права в контексте глобальных вызовов : материалы национальной научно-практической конференции, г. Оренбург, 23–24 ноября 2023 г. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2024. С. 215–220.
21. Бормотова Л. В., Тарнавский О. А. Разумный срок судопроизводства и возмещение вреда, причиненного преступлением: «точки» пересечения на отдельных исторических этапах развития уголовного процесса // Закон и право. 2025. № 1. С. 194–199. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-1-194-199>
22. Головки Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1 (1). С. 75–80.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.